

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902.2

Разуваев Ю.Д.¹

**ЖЕРТВЕННИКИ И РИТУАЛЬНЫЕ КОСТРИЩА
НА СРЕДНЕДОНСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ СКИФСКОЙ ЭПОХИ²**

Воронежский государственный педагогический университет

Razuvaev Yu.D.

**ALTARS AND RITUAL SCYTHES ON MIDDLE DON SETTLEMENTS
OF THE SCYTHIAN ERA**

Voronezh State Pedagogical University (Voronezh)

Реферат: *На поселениях лесостепной скифоидной культуры, в VI–III вв. до н.э. существовавших в средней и, отчасти, верхней частях бассейна Дона, сохранились следы культово-ритуальной деятельности их обитателей. Рассматриваются специализированные атрибуты религиозных церемоний: фрагментированные глиняные жертвенники. Оба имели вид сковороды или блюда диаметром около 1 м. Археологический контекст одной находки, залегавшей вместе с тремя человеческими черепами и многочисленными бытовыми остатками, показывает, что данные изделия имели культовое назначение. Однако, по-видимому, использовались они редко. Гораздо чаще в обрядовой практике применялись костры, чему есть немало свидетельств. Так, на Семилукском городище следы костров замечены в центре четырех ям, содержавших коллективные человеческие погребения. Три очага с жертвенными приношениями размещались на разных уровнях заполнения постройки, перекрывая захоронение трех человек. На 1-ом Волошинском городище в двух постройках выявлены остатки ритуальных костров. Огонь горел, по крайней мере, в четырех ямах на названных городищах, ранее считавшихся хозяйственными, но на самом деле, судя по вмещаемым материалам, служивших культовым целям.*

Ключевые слова: *Среднее Подонье, скифская эпоха, поселения, жертвенники, ритуальные кострища.*

Abstract: *On the settlements of the forest-steppe Scythoid culture, in the VI-III centuries BC, which existed in the middle and, in part, upper parts of the Don basin, traces of the cult-ritual activities of their inhabitants were preserved. The article discusses some specialized attributes of religious ceremonies. Fragmented clay altars were discovered on two hillforts. Both had the appearance of a pan or dish with a diameter of about 1 m. The archaeological context of one find, which lay together with three human skulls and numerous household remains, shows that these products*

¹ Разуваев Юрий Дмитриевич – Воронежский государственный педагогический университет.

² Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 18-09-00230.

had a cult purpose. However, apparently, they were rarely used. Bonfires were used much more often in ritual practice, which there is much evidence. So, on the Semiluksky hillfort, traces of bonfires are seen in the center of four pits containing collective human burials. Three centers with sacrificial offerings were placed at different levels of filling the building, blocking the burial of three people. On the 1st Voloshinsky hillfort, the remains of ritual bonfires were revealed in two buildings. The fire burned in at least four pits in these hillforts, previously considered economic, but in fact, judging by the contained materials that served cult purposes.

Key words: *Middle Don, Scythian era, settlements, altars, ritual scabs.*

Не приходится сомневаться, что на городищах и неукрепленных поселениях лесостепной скифоидной культуры, в VI–III вв. до н.э. существовавших в средней и, отчасти, верхней частях бассейна Дона, сохранились следы культово - ритуальной деятельности их обитателей. Однако до недавнего времени они фактически не были распознаны.

В специальной литературе сообщалось о жертвенниках, обнаруженных на городищах Круглое и Кировское [16, с. 78–79]. Упоминались ритуальные захоронения собак, открытые на 1-ом Волошинском городище [6, с. 62; 17, с. 53]. Предполагалось наличие на том же городище большого наземного помещения ритуально-общественного назначения [8, с. 74]. Наконец, с культурами соотносились антропо- и зооморфные поделки из глины или камня [2, с. 7–11; 3, с. 104–105; 4, с. 125; 10, с. 78; 16, с. 77–78]. Собственно, этим сведения о религиозной стороне жизни оседлого населения региона исчерпывались, вследствие чего и сама

тема оставалась практически не исследованной.

Сейчас ситуация изменилась к лучшему. Проявления культовых практик многократно прослежены в поселенческих погребально - жертвенных комплексах, постройках и ямах [19; 22]. Создан определенный задел для дальнейших изысканий. В частности, для поиска специализированных атрибутов, задействованных в религиозных церемониях.

В этом плане, прежде всего, обращают на себя внимание изделия, за которыми закрепилось наименование «жертвенники». Таковые были обнаружены на двух среднедонских городищах, к сожалению, во фрагментированном состоянии. Оба изготовлены из перемешанной с растительностью и, что важно, слабообожженной глины.

Жертвенник с городища V–IV вв. до н.э. у с. Круглое имел вид сковороды диаметром 1,1 м и высотой 0,08 м, обладал массивным дном и вертикальными бортиками толщиной 4–5 см [16, с. 78–79, рис. 3,18]. С

его обломками найдены две глиняные лепешки, традиционно соотносимые с земледельческим культом.

Понятно, что имеющихся данных едва ли достаточно для атрибуции находки. В свое время Р.Л. Розенфельд доказывал, что большие глиняные сковороды представляли собой очаги наземных жилищ, а если и использовались в культах, то лишь в домашних [23, с. 62]. Солидарен с ним В.П. Андриенко, не исключавший утилитарного назначения таких изделий [1, с. 94]. В противовес этим суждениям заметим, что в среднедонских постройках подобные очаги не известны. Более того, вторая находка сделана в достаточно красноречивом контексте.

На Кировском городище IV–II вв. до н.э. части жертвенника лежали вразброс вместе с тремя человеческими черепами (рис. 1, 1) в небольшом всхолмлении, насыщенном керамическими фрагментами и костями животных. Изделие представляло собой овальное блюдо размерами 1,0x1,1 м (рис. 1, 2). Оно обладало массивным слегка выпуклым в центре дном толщиной 5–6 см и вертикальным бортиком высотой 8–10 см, в низу которого имелось несколько наклоненных наружу отверстий диаметром 2,5–3,0 см.

Необычные находки сразу же были интерпретированы исследова-

телями как свидетельство человеческих жертвоприношений [7, с. 93], и в дальнейшем это утверждение не подвергалось сомнению [2, с. 7–8; 12, с. 79]. А.И. Пузикова адресатом жертвы считала некое земледельческое божество, чей образ представляла лежавшая неподалеку от черепов каменная антропоморфная фигурка [18, л. 295]. Вместе с тем, она предполагала, что упомянутые Геродотом обычаи скифов брать в качестве трофея головы поверженных врагов «проникли и к лесостепным племенам» [16, с. 79].

В культовом характере выявленного на городище комплекса усомниться трудно. Но, судя по отсутствию при черепах нижних челюстей и шейных позвонков, декапитация людей на этом месте не производилась – иначе картина была бы нагляднее (см., например: [9, с. 175]). В данном случае уже лишённые мягких тканей черепа вместе с жертвенником являлись важным атрибутом некоего ритуала, но отнюдь не кровавого. Археологические данные доказывают, что человеческие черепа занимали заметное место в мифо-религиозных представлениях населения Лесостепной Скифии. В целом или фрагментированном виде их часто находили на поселениях в разнообразном контексте, в том числе и явно культовом [21, табл.].

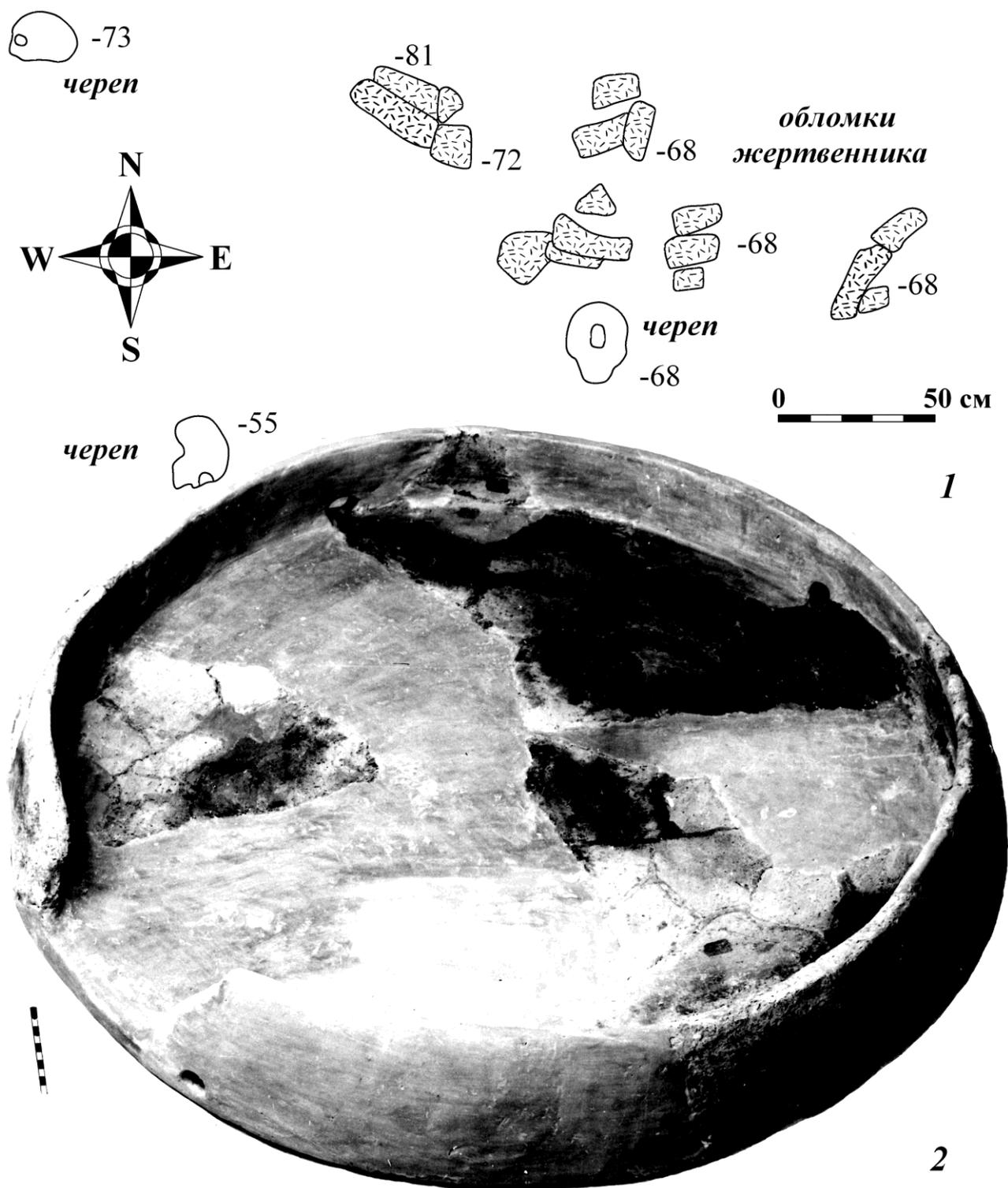

Рис. 1. Жертвенник на 1-ом Волошинском городище.
1 – остатки жертвенника в раскопе, 2 – реконструированный жертвенник.

Насколько можно сейчас судить, специально изготовленные приспособления для ритуальных действий, каковыми, видимо, и выступали жертвенники, на Среднем Дону имели ограниченное распространение. Чаще обрядовым атрибутом выступали костры. На поселениях отмечено немало случаев ритуального разжигания огня. Это зафиксировано в некоторых ямах на Семилукском городище с коллективными захоронениями. Ранее предполагалось, что большие округлые ямы изначально использовались для хозяйственных нужд, а потому продукты горения на дне воспринимались как часть раннего заполнения [15, с. 249]. Однако в погребальном комплексе № 15 прослежено, что огонь был разведен в центре ямы после того, как вдоль стенок разместили тела четырех человек [20, с. 161, 163]. В пламя, видимо, в качестве жертвы были брошены разбитые миска и горшок, а также часть лошадиной ноги. Костер, судя по незначительному прокалу на глинистом дне, горевший недолго, оставил после себя округлое пятно углистого грунта диаметром ок. 0,9 м (рис. 2, 1).

Такая же тонкая углистая прослойка имела в центральной части ямы с погребением № 4 между четырьмя скелетами [13, с. 80]. Кострище диам. 1,1 м выявлено и в по-

гребении № 6, причем, на нем лежали два из шести размещавшихся там скелетов [13, с. 84]. Углистое пятно находилось на дне ямы с погребением № 12 [14, с. 15]. По этим фактам видно, что костры, возможно, выполнявшие очистительную функцию, играли важную роль в обрядности. Следы огня были замечены и в других захоронениях.

В постройке № 15 с погребением № 7, отчетливо прослежено неоднократное использование костров в постритальных ритуалах [13, с. 86]. Это сооружение необычных очертаний размерами 2,9 x 2,8 м содержало захоронение трех человек (рис. 2, 3), вероятно, и было создано для культа [22, с. 78–80]. Котлован заполняло три слоя почвы, верхний и средний из которых подстилались тонкими глинистыми прослойками, включавшими комочки обожженной почвы (рис. 2, 4). В основании каждого слоя размещались очаги – три линзы обожженной почвы толщиной ок. 0,2 м, расположенные отчасти друг над другом (рис. 2, 2). Встречались фрагменты керамики и кости животных, наиболее многочисленные в среднем слое. Возле среднего очага лежали череп, нижняя челюсть и несколько костей собаки, овечьи кости, заполненная мелом придонная часть лепного горшка, а также женский череп без нижней челюсти.

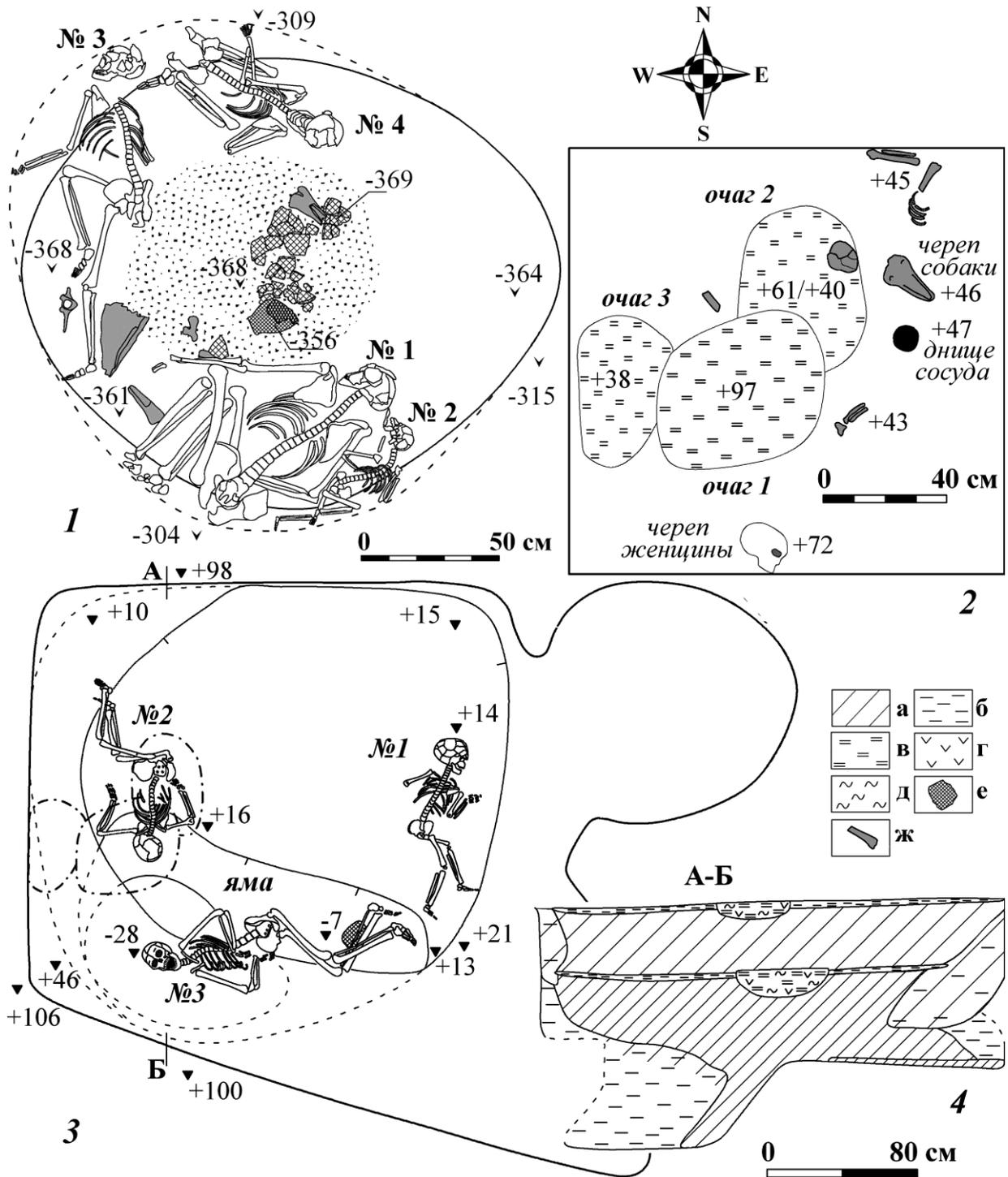

Рис. 2. Погребально-жертвенные комплексы на Семилукском городище. 1 – погребение № 15; 2 – очаги и сопутствующие находки в заполнении постройки № 15; 3, 4 – план и профиль постройки № 15 с погребением № 7; а – гумусированная почва, б – глина, в – обожженная почва, г – уголь, д – зола, е – керамика, ж – кость животного.

Очаги, располагавшиеся на разных уровнях над обширной ямой со скелетами двух человек, явно не служили отопительными устройствами, хотя и огонь в них горел интенсивно. Они последовательно разжигались в процессе отправления неких ритуалов, в ходе или после которых были засыпаны землей.

Остатки костров, разводившихся отнюдь не для поддержания комфортной температуры, содержали и две постройки, обнаруженные на 1-ом Волошинском городище и тоже, скорее всего, являвшиеся культовыми [22, с. 81–83].

Одна из них представляла собой котлован неправильных очертаний размерами примерно 11x11,6 м (около 100 кв.м), с восточной стороны окаймленный возвышенной полосой материковой глины и в отдельных местах достигавший глубины от уровня материка 0,75–0,85 м (рис. 3, 1). У котлована неровное дно, возможно, обмазанное глиной.

В его юго-восточной части имелся овальный материковый останец площадью 3,6 кв.м. Около него располагались два небольших очага и две ямки. У западной стенки полуземлянки находился третий, более крупный, очаг, от которого осталась прослойка обожженной глины с углями и золой размерами 1,0x1,5 м, толщиной 0,35–0,40 м и насыщенная

фрагментами керамики. В полуметре располагалась яма диаметром 1 м, обладавшая ступеньками и вогнутым дном, углубленным на 0,65 м. Ее заполнение содержало угли, золу и фрагменты сосудов (некоторые склеились с теми, что лежали на очаге). Вблизи котлована на разном удалении находилось пять ям и семь очагов (еще несколько вполне могли оказаться за пределами раскопа).

Данное сооружение нельзя отнести к жилищам. Оно раз в 5–10 больше других среднедонских построек, отличается от них конфигурацией и неровным дном с материковым возвышением [10, с. 79; 25, табл. 1]. Его очаги не могли обогреть все помещение. Из котлована и с окружающей территории происходит множество обломков глиняной посуды и костей животных. Там было найдено около 400 амфорных черепков – в такой концентрации античная керамика не встречалась как на этом городище, так и вообще на среднедонских поселениях. Хорошо известно, что фрагменты сосудов и кости животных являются непременной составной частью поселенческих жертвенных комплексов и курганных тризн. И в данном случае они, по-видимому, были связаны с большим святилищем, обрядовые действия на котором проводились с использованием серии очагов.

Вторая постройка была представлена шестиугольным в плане котлованом площадью около 18 кв. м, имевшим своеобразно обустроенное внутреннее пространство (рис. 3, 2). В ее северной части по бокам находились две обширные площадки с вертикальными стенками, углубленные относительно уровня материка всего на 0,3–0,4 м, тогда как разделявшее их пространство достигало глубины примерно 1,8 м. С южной стороны котлован понижался уступами или полого. Внизу по центру располагалась заполненная углями и золой подквадратная яма 1,0x1,2 м глубиной около 0,25 м. По бокам ямы, плотно к основаниям возвышавшихся площадок, в свое время горели костры. От одного, обозначенного при раскопках как очаг, осталось округлая прослойка обожженной почвы диаметром 0,9 м и толщина 0,2 м., находившаяся на глиняном основании. Остатки второго представляли собой скопление продуктов горения диаметром 0,8 м и толщиной 0,2 м, названное кострищем. Среди углей и золы лежали обломки сосудов и костей животных. Черепки и кости животных в большом количестве размещались и в заполнении котлована, более-менее равномерно по всей его толще. Вместе с ними находились небольшой горшочек, девять пряс-

лиц и конусовидное изделие из глины, а на самом верху – крупное каменное орудие типа зернотерки.

Конструктивные особенности объекта абсолютно нетипичны для жилищ. Достаточно сказать, что из-за возвышенных площадок, наклонной южной стенки и ямы полезная площадь постройки была совершенно незначительна. Видимо, и здесь в процессе обрядовых действий на дне котлована были разожжены костры, впоследствии засыпанные землей с жертвенными приношениями.

Следы огня зачастую являлись неизменным атрибутом ям, вероятнее всего, использовавшихся в ритуальных целях. Эти сооружения ранее считались хозяйственными, но специфическая стратиграфия и необычный набор находок заставляют усомниться в такой интерпретации. Наиболее выразительные комплексы открыты на Семилукском городище.

В заполнении ямы 24 размерами 1,10x1,35 м и глубину в материке более 1 м, имелась насыщенная золой прослойка толщиной 0,1-0,2 м (рис. 4, 1) с многочисленными керамическими фрагментами, костями животных, обломком костяного псаля с зооморфным изображением и бронзовым наконечником стрелы. На дне ямы лежали перевернутая лепная чашка, два глиняных пряслица и камень.

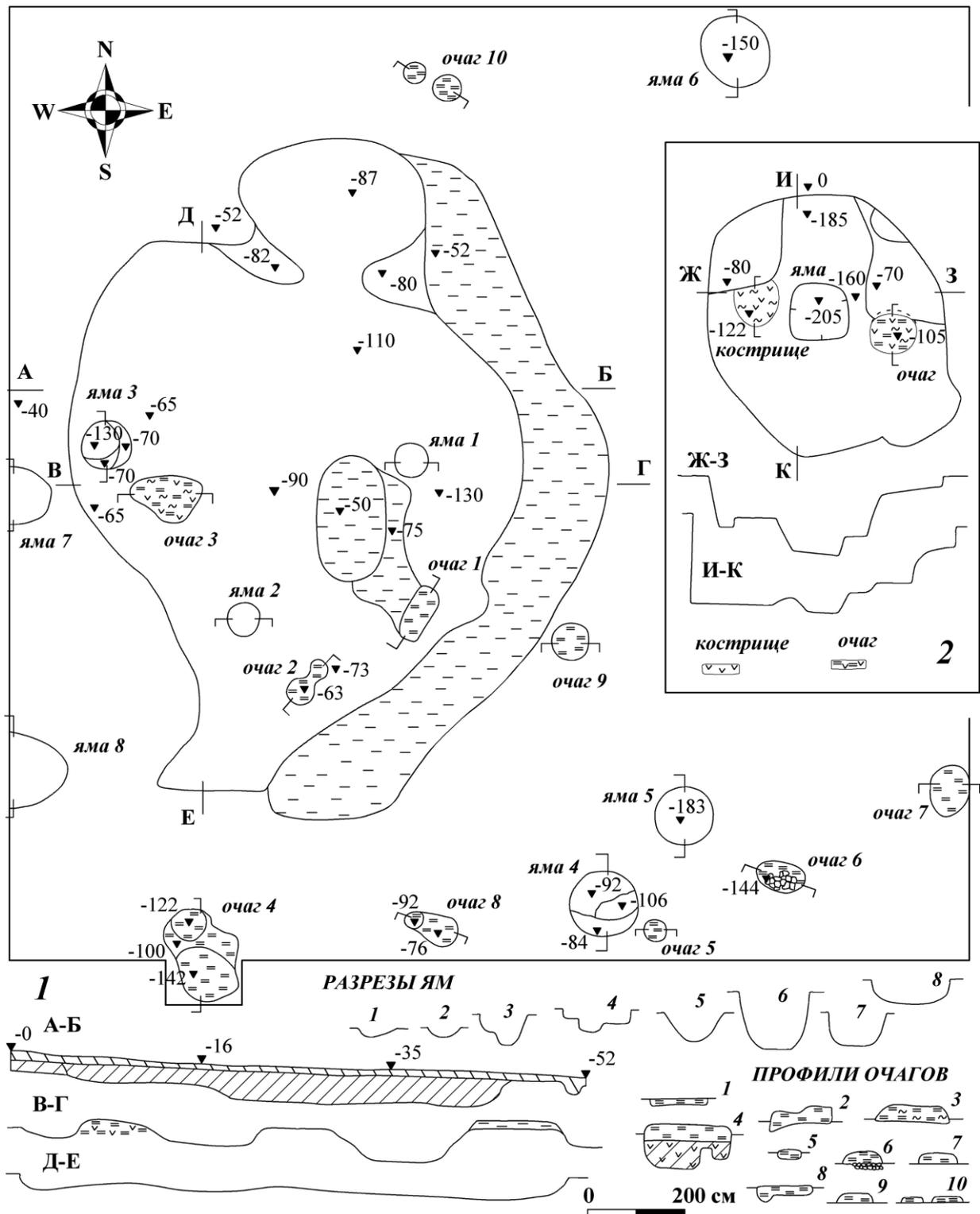

Рис. 3. Культовые строения на 1-ом Волошинском городище.

1 – землянка, ямы и очаги в раскопе II; 2 – землянка № 2 в раскопе VII;
 а – гумусированная почва, б – глина, в – обожженная почва, г – уголь, д – зола,
 е – керамика, ж – кость животного.

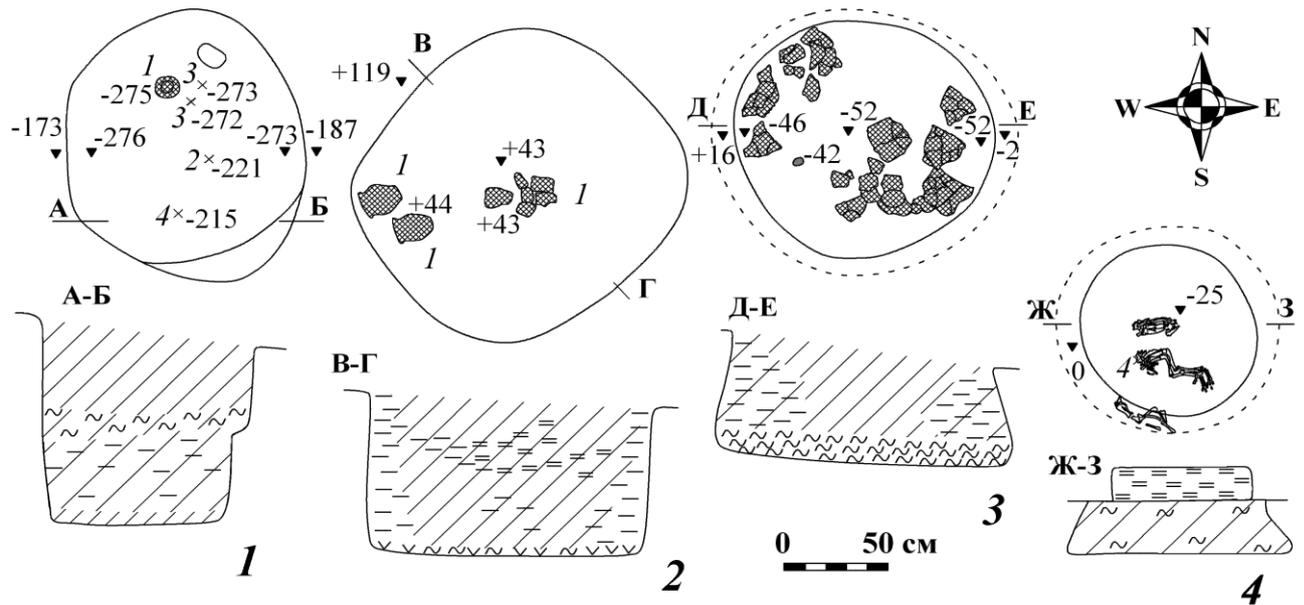

Рис. 4. Ритуальные ямы на Семилукском (1–3, 5) и 1-ом Волошинском городищах. 1 – яма № 24; 2 – яма № 48; 3,5 – яма № 60; 4 – яма № 2. На планах ям: 1 – сосуд, 2 – псалий, 3 – грузик-пряслице, 4 – наконечник стрелы; а – гумусированная почва, б – глина, в – обожженная почва, г – уголь, д – зола, е – керамика, ж – кость животного.

В яме 48 размерами 1,3x1,4 м и глубиной 0,74 м, кстати сказать, отстоявшей всего на 1 м от вышеупомянутой постройки № 15, обмазанное глиной дно было перекрыто углесто-золистой прослойкой толщиной 0,1 м (рис. 4, 2). Поверх углей лежали развалы трех лепных сосудов, совершенно очевидно, сброшенных в яму в процессе или после горения костра.

Мощная прослойка золы, углей и прокаленного песка размещалась внизу ямы 60, имевшей диаметр 1,25 м и глубину 0,68 м (рис. 4, 3,5). В ней находились крупные обломки четырех лепных горшков и каменный пест.

Неординарный очаг открыт на 1-ом Волошинском городище. Он представлял собой овальную линзу прокаленной почвы размерами 0,55x0,60 м и толщиной 0,15 м, тем самым не отличаясь от устройств бытового назначения. Но этот очаг перекрывал округлую яму 2, имевшую диаметр по верху 0,75 м и глубину 0,25 м (рис. 4, 4). На слегка обмазанном светлой глиной дне ямы лежал скелет собаки, очевидно, убитой стрелой, наконечник которой находился под лопаткой животного.

Предполагалось, что очаг относился к наземному жилищу, собака же в яме была закладной жертвой [17, с. 53]. Однако отчетливых сле-

дов такого строения не выявлено. По-видимому, почвенный прокол остался от ритуального костра, разведенного над засыпанной жертвенной ямой. Культовые ямы с останками умерщвленных собак известны на лесостепных поселениях, например, на Бельском городище [5, с.10; 24, с. 342].

Приведенные факты, число которых можно было бы умножить, показывают, что ритуальные костры играли важную роль в культовых практиках обитателей среднедонских поселений скифского времени. Из этого проистекает необходимость тщательного анализа археологического контекста вновь открываемых кострищ с целью выявления новых источников, отражающих сакральную область жизни древнего населения донской лесостепи³.

³ При этом, конечно, ошибки не исключены. Так, на Большом Сторожевом городище за жертвенник был принят бытовой очаг [3], хотя оснований для этого явно недоставало (об этом см.: [11, с. 22–23]).

Список литературы:

1. Андриенко В.П. Основные культовые обряды та споруди у племен лісостепової Скифії // Вісник Харківського університету. 1974. № 104. Вип. 8. С. 89–96.
2. Воропаева Н.Н. Жертвенники и жертвоприношения оседлого населения скифского времени в лесостепном Подонье // Новик: Сборник научных трудов аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета / Науч.ред. Ю.В. Селезнев. Воронеж: ВГУ, 2005. Вып. 10. С. 7–14.
3. Воропаева Н.Н. Культурные комплексы городища Большое Сторожевое на Среднем Дону // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 102–106.
4. Гуляев В.И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М.: Институт археологии РАН, 2010. 344 с.
5. Задніков С.А., Шрамко І.Б. Розкопки зольника 13 на Західному укріпленні Більського городища // Археологічні дослідження в Україні. 2006–2007 / Гол. ред. Д.Н. Козак. Київ: ІА НАНУ, 2009. С. 8–10.
6. Кольшницын Н.В., Либеров П.Д. Работы Воронежской лесостепной скифской экспедиции // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 61–62.
7. Либеров П.Д. Исследования на Среднем Дону // Археологические открытия 1965 года. М.: Наука, 1966. С. 91–93.
8. Либеров П.Д., Шкурко А.И. Работы Воронежской экспедиции // Археологические открытия 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 73–74.
9. Масленников А.А., Бужилова А.П. «Ифигения на Меотиде» (материалы к обсуждению существования ритуальной декапитации в античном Приазовье // Древности Боспора / Ред. А.А. Масленников, А.А. Завойкин. М.: ИА РАН, 1999. Вып.2. С. 174–183.
10. Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.
11. Меркулов А.Н. Материалы скифского времени городища Большое Сторожевое из раскопок 1987–1988 гг. // История: факты и символы. 2018. № 4 (17). С. 17–30. DOI: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-17-30
12. Петренко В.Г. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археологии СССР) / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 67–80.
13. Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1986 г.) // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья / Отв. ред. В.П. Челябинов. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской обл., 1993. С. 74–94.
14. Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1987–1990 гг.) // Древние памятники Окского бассейна / Отв. ред. В.П. Челябинов. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской обл., 1993. С. 13–30.
15. Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. К интерпретации захоронений на Семилукском городище скифского времени // Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропо-

логия и археология / Отв. ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: Институт археологии РАН, 2000. С.249–257.

16. Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона // Население Среднего Дона в скифское время (Материалы и исследования по археологии СССР. № 151) / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1969. С. 41–81.

17. Пузикова А.И. Работы Воронежской лесостепной экспедиции // Археологические открытия 1968 года. М.: Наука, 1969. С. 52–54.

18. Пузикова А.И. Культура оседлых племен Правобережья Среднего Дона в скифское время: Дис...канд. ист. наук. М., 1971. 338 л. // Архив Института археологии РАН. Р–2, № 2087.

19. Разуваев Ю.Д. Могильник на Семилукском городище скифского времени в свете новых исследований // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 2. С.98–107.

20. Разуваев Ю.Д. Новый погребальный комплекс скифского времени на Семилукском городище // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 231. С. 157–166.

21. Разуваев Ю.Д. Захоронения и останки людей на поселениях Лесостепной Скифии: состояние источников // Российская археология. 2016. № 3. С. 102–120.

22. Разуваев Ю.Д. Культурные постройки на среднедонских поселениях скифской эпохи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 4. С. 123-135. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.4.8

23. Розенфельдт Р.Л. О глиняных «жертвенниках» // Древние славяне и их соседи (Материалы и исследования по археологии СССР. № 176) / Отв. ред. Ю.В. Кухаренко. М.: Наука, 1976. С. 60–63.

24. Черненко Е., Ролле Р., Херц В., Скорый С., Махортых С., Белозор В. Работы на Бельском городище и его округе // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. / Ред. Н.О. Гаврилюк. Київ: Шлях, 2004. С.342–344.

25. Шевченко А.А. Жилые постройки скифского времени на территории Среднего Дона (по материалам укрепленных поселений) // Археологические памятники Восточной Европы / Отв. ред. В.В. Килейников. Вып. 13. Воронеж: Научная книга, 2009. С. 163–175.

References:

1. Andrienko V.P. Osnovni kultovi obriadi ta sporudi u plemen lisostepovoi Skifii // Visnik Kharkivskogo universitetu. 1974. № 104. Vip. 8. S. 89–96.

2. Voropaeva N.N. Zhertvenniki i zhertvoprinosheniia osedlogo naseleniia skifskogo vremeni v lesostepnom Podone // Novik: Sbornik nauchnykh trudov aspirantov i studentov istoricheskogo fakulteta Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta / Nauch.red. Iu.V. Seleznev. Voronezh: VGU, 2005. Vyp. 10. S. 7–14.

3. Voropaeva N.N. Kultovye komplekсы gorodishcha Bolshoe Storozhevoe na Srednem Donu // Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii. 2011. № 1 (45). S. 102–106.

4. Guliaev V.I. Na vostochnykh rubezhakh Skifii (drevnosti donskikh skifov). M.: Institut arkheologii RAN, 2010. 344 s.
5. Zadnikov S.A., Shramko I.B. Rozkopki zolnika 13 na Zakhidnomu ukriplenni Bilskogo gorodishcha // Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni. 2006–2007 / Gol. red. D.N. Kozak. Kiïv: IA NANU, 2009. S. 8–10.
6. Kolyshnitsyn N.V., Liberov P.D. Raboty Voronezhskoi lesostepnoi skifskoi ekspeditsii // Arkheologicheskie otkrytiia 1974 goda. M.: Nauka, 1975. S. 61–62.
7. Liberov P.D. Issledovaniia na Srednem Donu // Arkheologicheskie otkrytiia 1965 goda. M.: Nauka, 1966. S. 91–93.
8. Liberov P.D., Shkurko A.I. Raboty Voronezhskoi ekspeditsii // Arkheologicheskie otkrytiia 1972 goda. M.: Nauka, 1973. S. 73–74.
9. Maslennikov A.A., Buzhilova A.P. «Ifigeniia na Meotide» (materialy k obsuzhdeniiu sushchestvovaniia ritualnoi dekapitatsii v antichnom Priazove // Drevnosti Bospora / Red. A.A. Maslennikov, A.A.Zavoikin. M.: IA RAN, 1999. Vyp.2. S. 174–183.
10. Medvedev A.P. Rannii zheleznyi vek lesostepnogo Podonia. Arkheologiiia i etnokulturnaia istoriia I tysiacheletiia do n.e. M.: Nauka, 1999. 160 s.
11. Merkulov A.N. Materialy skifskogo vremeni gorodishcha Bolshoe Storozhevoe iz raskopok 1987–1988 gg. // Istoriia: fakty i simvoly. 2018. № 4 (17). S. 17–30. DOI: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-17-30
12. Petrenko V.G. Lokalnye grupy skifoobraznoi kultury lesostepi Vostochnoi Evropy // Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Arkheologii SSSR) / Otv. red. A.I. Meliukova. M.: Nauka, 1989. S. 67–80.
13. Priakhin A.D., Razuvaev Iu.D. Pogrebeniia na Semilukskom gorodishche pozneskifskogo vremeni (raskopki 1986 g.) // Arkheologicheskie pamiatniki rannego zheleznoogo veka Oksko-Donskogo mezhdurechia / Otv. red. V.P. Cheliapov. Riazan: NPTs po okhrane i ispolzovaniiu pamiatnikov istorii i kultury Riazanskoi obl., 1993. S. 74–94.
14. Priakhin A.D., Razuvaev Iu.D. Pogrebeniia na Semilukskom gorodishche pozneskifskogo vremeni (raskopki 1987–1990 gg.) // Drevnie pamiatniki Okskogo basseina / Otv. red. V.P. Cheliapov. Riazan: NPTs po okhrane i ispolzovaniiu pamiatnikov istorii i kultury Riazanskoi obl., 1993. S. 13–30.
15. Priakhin A.D., Razuvaev Iu.D. K interpretatsii zakhoroneniia na Semilukskom gorodishche skifskogo vremeni // Skify i sarmaty v VIII–III vv. do n.e.: paleoekologiiia, antropologiiia i arkheologiiia / Otv. red. V.I. Guliaev, V.S. Olkhovskii. M.: Institut arkheologii RAN, 2000. S.249–257.
16. Puzikova A.I. Poseleniia Srednego Dona // Naselenie Srednego Dona v skifskoe vremia (Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR. № 151) / Otv. red. A.P. Smirnov. M.: Nauka, 1969. S. 41–81.
17. Puzikova A.I. Raboty Voronezhskoi lesostepnoi ekspeditsii // Arkheologicheskie otkrytiia 1968 goda. M.: Nauka, 1969. S. 52–54.
18. Puzikova A.I. Kultura osedlykh plemen Pravoberezhia Srednego Dona v skifskoe vremia: Dis...kand. ist. nauk. M., 1971. 338 l. // Arkhiv Instituta arkheologii RAN. R–2, № 2087.

19. Razuvaev Iu.D. Mogilnik na Semilukskom gorodishche skifskogo vremeni v svete novykh issledovaniy // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriiia. Politologiiia. Sotsiologiiia. 2015. № 2. S.98–107.
20. Razuvaev Iu.D. Novyi pogrebalnyi kompleks skifskogo vremeni na Semilukskom gorodishche // Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii. 2015. Vyp. 231. S. 157–166.
21. Razuvaev Iu.D. Zakhroneniia i ostanki liudei na poseleniakh Lesostepnoi Skifii: sostoianie istochnikov // Rossiiskaia arkheologiiia. 2016. № 3. S. 102–120.
22. Razuvaev Iu.D. Kultovye postroiiki na srednedonskikh poseleniakh skifskoi epokhi // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriiia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia. 2020. T. 25. № 4. S. 123-135. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.4.8
23. Rozenfeldt R.L. O glinianykh «zhertvennikakh» // Drevnie slaviane i ikh sosedi (Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR. № 176) / Otv. red. Iu.V. Kukharenko. M.: Nauka, 1976. S. 60–63.
24. Chernenko E., Rolle R., Kherts V., Skoryi S., Makhortykh S., Belozor V. Raboty na Belskom gorodishche i ego okruge // Arkheologichni vidkrittia v Ukraïni 2002–2003 rr. / Red. N.O. Gavriiliuk. Kiiiv: Shliakh, 2004. S.342–344.
25. Shevchenko A.A. Zhilye postroiiki skifskogo vremeni na territorii Srednego Dona (po materialam ukreplennykh poselenii) // Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy / Otv. red. V.V. Kileinikov. Vyp. 13. Voronezh: Nauchnaia kniga, 2009. S. 163–175.